

Попова 2008 — Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008.

Попова 2011 — Попова Е. В. Культовые памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск, 2011.

Садиков 2004 — Садиков Р. Р. Святилища закамских удмуртов: Общая характеристика и типология // Культовые памятники Камско-Вятского региона: материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 119—124.

Топоров 1983 — Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. М., 1983. С. 227—284.

Топоров 2006 — Топоров В. Н. Ночь и день: их противостояние и их взаимная тяга. Об и.-евр. **nok^u-t-* (**nek^u-t-*) & **dein-/d(n- (*de)en-)* и **dein/d(n (*de)en-)* & **nok^u-t-* (**nek^u-t-*) // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. М., 2006. С. 166—198. (Opera etymologica. Звук и смысл).

Флёрова 2001 — Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; Москва, 2001.

Хольмберг-Харва 1927 — Holmberg U. Finno-Ugric Mythology // The Mythology of All Races in Thirteen volumes. Boston, 1927. V. 4.

Христолюбова 1995 — Христолюбова Л. С. Калык сямъёсты чакласа (Удмуртские народные обычаи). Ижевск, 1995.

Черных 2002 — Черных А. В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX — начале XX в. (по материалам южных районов Пермской области). Пермь, 2002.

Черных 2004 — Черных А. В. Святилища куединских удмуртов в конце XIX — XX в. // Культовые памятники Камско-Вятского региона: материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 101—118.

Чуракова 1999 — Чуракова Р. А. Песни южных удмуртов. Вып. 2. Ижевск, 1999.

Шутова 2001 — Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001.

Шутова, Капитонов, Кириллова, Останина 2009 — Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона: Коллективная монография / науч. ред., авт. введ. и закл. Н. И. Шутова; УИИ-ЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2009.

Summary. The article deals with ethnogenetic context of the Udmurts' notions about time and space in a historical retrospective. The work is based on the calendar vocabulary and terminology.

Key words: udmurt folk calendar, ethnogenetic context, time and space, half-year and year, night and day, five-day week cycle.

ББК 63.5

УДК 39

О. А. ОКУНЕВА
(Москва)

ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОТОМКОВ ЧЕШСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Аннотация. Статья посвящена причинам и характеру эволюции некоторых элементов традиционной культуры потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе. Автор приводит данные о языковой ситуации в их среде, фольклоре и обрядности, а также о деятельности местного культурного клуба и его роли в поддержании языковой идентичности чешского сообщества.

Ключевые слова: чехи, Северный Кавказ, фольклор, обрядность.

Данная статья отражает некоторые результаты фольклорно-диалектологических экспедиций, которые в 2009—2011 гг. провели сотрудники и студенты кафедры славистики и центральноевропейских исследований Российского государственного гуманитарного университета по ряду сел Северного Кавказа (окрестности Новороссийска и Анапы), где проживают потомки чешских переселенцев XIX в.

Как оказались чехи в этом регионе? После окончания Кавказской войны земли Северного Кавказа опустели, и российские власти привлекали туда переселенцев-славян, обещая им земельные наделы, финансовую поддержку, освобождение от воинской повинности и другие льготы. Переселение сюда чешских крестьян, тяготившихся своим бедственным материальным положением на родине, началось во второй половине 1860-х гг. Сведения о том, из каких областей Чехии прибывали переселенцы, довольно отрывочны. В архивных материалах, семейных преданиях, описаниях этнографов фигурируют и Южная, и Западная, и Восточная Чехия, и Моравия. При этом у нынешних

чешских жителей Северного Кавказа нет сознания принадлежности к какому-либо конкретному чешскому региону, откуда переселялись их предки.

К 1890 г. на территории нынешнего Краснодарского края возникло 15 чешских и смешанных чешско-русских поселений, из которых в наши дни лишь сёла Кирилловка под Новороссийском и Варваровка под Анапой остаются местами компактного проживания потомков переселенцев XIX в., владеющих чешским языком в диалектной форме. В настоящее время в Кирилловке насчитывается около 25, а в Варваровке — около 20 таких жителей в основном 1920—30-х гг. рождения.

До конца 1920-х гг. во многих чешских селах преподавание в начальной школе велось на чешском языке. Вплоть до 1930-х гг. в среде чехов Северного Кавказа еще функционировал не только устный, но и письменный чешский язык, хотя и с многочисленными русизмами и зачастую в кириллической графике. При советской власти естественная передача чешского языка и чешской культуры из поколения в поколение постепенно свелась к минимуму. Еще в начале 1960-х гг., по словам старожилов, дети в селах говорили по-чешски, часто даже не владея в раннем возрасте русским языком; позже, однако, ситуация коренным образом изменилась. В наши дни все северокавказские чехи свободно владеют русским языком, тогда как чешским на уровне диалектной речи, используемой в бытовом общении, владеет только самое старшее поколение — люди старше 70 лет. Их 50—60-летние дети еще понимают язык своих родителей и разговаривают с ними. Поскольку, однако, в этой возрастной группе преобладают смешанные браки, ее представители часто и с родителями переходят на русский язык. Более молодыми чешский язык уже практически утрачен. Только в самые последние годы дети из семей с чешскими корнями вновь стали прибегать к чешскому языку и культуре [Пукиш 2010, 201—204; Скорвид, Третьякова 2009, 45—46].

Изначально целью экспедиций было
118 в основном изучение диалекта северо-

кавказских чехов¹. Однако нам также показалось интересным выяснить, насколько сохранился и как бытует их фольклор.

В списке научных работ, посвященных потомкам чешских переселенцев XIX в. на Северном Кавказе, необходимо выделить монографию В. С. Пукиша «Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868—2010» (Ростов-на-Дону, 2010). Автор проделал большую работу, тщательно изучив архивные документы, проведя большое количество интервью с местными жителями. В его книге содержится и очерк о фольклоре и обрядности северокавказских чехов, опубликованы тексты 38 песен и колядок.

Как справедливо отмечает исследователь, живая фольклорная традиция северокавказских чехов уже практически утрачена; отдельные ее фрагменты сохраняются лишь в рассказах старожилов [Пукиш 2010, 235]. Нам в ходе экспедиций удалось записать некоторые сведения о крупных календарных праздниках: дне св. Николая, Рождестве, Богоявлении, Великой Пятнице, Масленице, Пасхе, Троице. Рассказы наших информантов во многом подтверждают данные Пукиша, поэтому для более подробного ознакомления с материалом целесообразно обратиться к его монографии ([Пукиш 2010, 235—251], см. также [Окунева 2011]). Здесь же мы лишь назовем наиболее распространенные обычаи.

На день св. Николая (*den sv. Mikuláše*, 6 декабря) по деревне ходили по две пары ряженных: два ангела (они же «Миколаши») и два «черта». Послушным детям «Миколаш» дарил подарки, а непослушных «черт» пытался огреть палкой.

На Рождество (*Vánoce*, 25 декабря) парни колядовали; в руках они несли вертеп — стилизованные ясли с фигурками младенца Иисуса, Марии и Иосифа.

На Богоявление, или Праздник Трёх Королей (*Tři krále*, 6 января), получивший свое название в честь волхвов, пришедших поприветствовать ново-

¹ Итоги наших лингвистических разысканий представлены в публикации [Скорвид, Третьякова 2009].

рожденного Иисуса, которые в западнохристианской традиции превратились в «королей» Каспара, Мельхиора и Балтазара, по домам ходили по трое переодетых «королей». Они пели колядки и мелом на косяках дверей выводили крестик и первые буквы своих «королевских» имен.

Масленица (*Masopust*) была одним из самых любимых чехами праздников. Сохранилось немало упоминаний о разнообразных действиях, происходивших в этот день. Например, по сообщениям информантов, в старину на Масленицу наряжали в тряпье мужчину, которого называли Бакусом, и возили его в тачке или в кресле по селу: «*Vosum člověk ty nosítky nesli, a na tych nosítkách bylo kreslo a v tom kreslu seděl... sedělo něco tam, chlap či — nu, jak živej...*» (Восемь человек несли эти носилки, а на этих носилках было кресло, а в этом кресле сидел... что-то там сидело, мужчина или — ну, как живой...)» (Зап. от Владислава Павловича Кабрды, 1931 г. р., с. Кирилловка, Краснодарский край. Соб. С. С. Скорвид, Д. К. Поляков, О. А. Окунева, О. В. Попова, М. В. Лунёва. 2010 г.) [ФДЗ РГГУ]. Очевидно, этот обычай имеет довольно древние корни: известно, что в эпоху Возрождения в Маскарадный вторник (последний день Масленицы перед Пепельной средой — началом Великого Поста) в чешских городах происходил театрализованный «суд над пьяницей Бакусом». Кульминацией представления было зачитывание обвинительного заключения, полного насмешек и намеков в адрес соседей, и исполнение приговора: например, «потопление Бахуса» в луже на городской площади.

Рассказывали еще об одном обычае на Масленицу: молодежь зарывала петуха в землю, так что торчала лишь его голова, после чего парни с завязанными глазами пытались длинной палкой (цепом) убить его. Речь идет об отголоске старого обряда обезглавливания, или «молотьбы», петуха, распространенного некогда едва ли не во всей Европе, который в Чехии совершался, как правило, в храмовый праздник (день святого покровителя местного костела), но мог проводиться и на Масленицу, на Пас-

ху, в «обжинки», на свадьбу. В чешских землях этот обычай бытовал до второй половины XIX в., а среди чехов Северного Кавказа — примерно до середины 1930-х гг. По воспоминаниям старожилов, молодежь нацепляла на петуха и на свои шапки ленточки и ходила с музыкой от хаты к хате, везя петуха на тачке и собирая с односельчан деньги, чтобы их пропить. Обойдя все дома, закапывали петуха в землю, обычно перед трактором, и с завязанными глазами пытались отрубить ему голову. В сознании некоторых информантов этот обряд не имел календарной приуроченности и воспринимался исключительно как забава: «*...Hráli, kuželky hráli, a hráli to... pituchá zakopají a bijou ho...*» <Соб.: На зemi — nebo?> *Na zemi, na zemi, na zemi ho... prikopají — jenom hlava... vot...* <Соб.: Živýho? > *Živýho. Taková hrá byla. Do vojny, do vojny byla.* <Соб.: A kdy to bylo — na jaře, v létě?> *Nu to bylo... nu já nevím, já ž ne..., já ž to... já ž nevím nic. To, co už rodiče roskázovali...* (Играли, в кегли играли, и играли — то петуха закопают и бьют его... вот... <Соб.: На земле или...?> На земле, на земле, на земле его... закопают — только голова <торчит>... <Соб.: Живого? > Живого. Такая игра была. До войны, до войны была. <Соб.: А когда это было — весной, летом?> Ну, это было... Ну, я не знаю, я ж не..., я ж это... я ж не знаю ничего. Это, что уже родители рассказывали)» (Зап. от Василия Павловича Ружечко, 1940 г. р., с. Кирилловка, Краснодарский край. Соб. С. С. Скорвид, Д. К. Поляков, О. А. Окунева, О. В. Попова, М. В. Лунёва. 2010 г.) [ФДЗ РГГУ].

Масленица завершалась танцами. В тех деревнях, где не было клуба, парни снимали на вечер дом. За приглашение на танец девушки платили кавалеру, который в свою очередь должен был пригласить на танец каждую из присутствующих. Вырученные деньги шли на оплату помещения, а также на угощение.

На Троицу юноши «ставили май» у ворот дома понравившейся девушки. В самой Чехии это происходило не на Троицу, а раньше — 1 мая (отсюда и название обычая). «Маем» называ-

лось высокое дерево (ель или береза), ствол которого очищали от веток и коры, оставляя только зеленую крону, а под ней укрепляли венок, украшенный разноцветными лентами и цветами. Установив «май», молодой человек затем караулил поблизости, охраняя свое деревце от других, которые норовили срубить его: «<Соб.: Slavily se tady nějaké svátky?> Raňše byly. Vót. Jo, vot eta — máj, máje dělali, šli do... do... na horý tam, to... nu ženich — ženichy mladí, vot... i svojí nevěstě staví takový... nu máj... hdo vyše. Vinók takovej na tom a... storoží to do... do utrá. Štoby nehdo to neukrad. Svojí nevěstě, nevěstě to každej dělál, máj takovej. (<Соб.: Были тут раньше какие-нибудь праздники?> Раньше были. Вот. Да, вот это — май, май делали, шли на гору, это... ну, жених, женихи молодые, вот... и своей невесте ставят такой... ну... май... кто выше. Венок такой на нём, и... сторожат это до утра. Чтобы его кто-нибудь не украл. Своей невесте, невесте это каждый делал, май такой)» (Зап. от Василия Павловича Ружечко, 1940 г. р., с. Кирилловка, Краснодарский край. Соб. С. С. Скорвид, Д. К. Поляков, О. А. Окунева, О. В. Попова, М. В. Лунёва. 2010 г.) [ФДЗ РГГУ].

К воротам дома, где жила его милая, парень привязывал три ленточки — белую, красную и голубую, а если эта пара кому-нибудь досадила, недоброжелатели посыпали дорожку от дома парня к дому девушки соломой, да еще и обливали ее нечистотами: «*Nu a komu d'ali... vod bránki k bránce, vod hocha k holce slámou vysypou pěšinu — nu, na kerý měli zlost nákou — i ešte polejou ráznyma hovnama, hdo hde co našli. Ój, co se ned'álo! Co jenom se ned'álo!*» (Ну а кому делали... от ворот к воротам, от парня к девушке соломой высыпят на дорогу — ну, на которых имели злость какую-нибудь, и ещё польют разным дерьмом, кто где что нашли. Ой, чего не делали! Чего только не делали!)» (Зап. от Владислава Павловича Кабрды, 1931 г. р., с. Кирилловка, Краснодарский край. Соб. С. С. Скорвид, Д. К. Поляков, О. А. Окунева, О. В. Попова, М. В. Лунёва. 2010 г.) [ФДЗ РГГУ].

Кроме того, по рассказам Владислава Кабрды из Кирилловки, на Троицу молодые люди совершали «бесчинства»,

традиционные во многих регионах России на Святки (уносили у хозяек банки с молоком, приготовленные на продажу, снимали с петель ворота...): «*Nu i tu pod ten den, pod Trojici, jsme sebrali všechny baňky s mlíkem: voni se ženský na ráno přirychtovaly, že ponesou mlíko na trh, a my jsme baňky zry... táleten dub, co je tam, pod tím dubem jsme je vystrojili řádečkama, hódně banek. Vot ženský ráno na trh... Rozednilo se a mlíko doma nemají. Nu voni už věděly, kam jít. Hdo ho neskoval, neuklidil — vs'o... I šly, každá si brala svojí baňku i šly do města.*» (Ну и под этот день, под Троицу, мы собирали все банки с молоком: они, женщины, на утро приготавливались нести молоко на рынок, а мы банки... вон тот дуб, который там, под этим дубом мы их выстраивали рядочками, много банок. Вот женщины утром на рынок... Рассвело — а молока дома нет. Ну, они уже знали, куда идти. Кто его не спрятал, не убрал — всё... И шли, каждая брала свою банку — и шли в город» (Зап. от Владислава Павловича Кабрды, 1931 г. р., с. Кирилловка, Краснодарский край. Соб. С. С. Скорвид, Д. К. Поляков, О. А. Окунева, О. В. Попова, М. В. Лунёва. 2010 г.) [ФДЗ РГГУ].

«*A pak kluci co dělali... Tak taky jeden děda tady držel koně — a taky na tu Trojici v noci přišli kluci a vzali mu vůz s kolama a všechno a vytahli to na střechu navrch, a to ešte tam naházeli ten hnůj do toho! Děda vstal a nemoh to sundat. Nu kerak? Nu takový špásy byly hloupý. <...> Anebo bránky sundávali... Sundali naši bránku — pověsili ji druhému na plot... a takle to dělávali.*» (А ещё парни что делали... Вот тоже один дед тут держал лошадей — и тоже к нему на Троицу пришли парни и взяли у него телегу с колесами и все, и подняли на крышу наверх, и еще накидали туда навоз. Дед встал и не мог это снять. Ну как? Вот такие шутки были глупые. <...> Или калитки снимали. Сняли нашу калитку — и повесили другому на забор... вот так делали)» (Зап. от Евгении Тимофеевны Ружечко (урожд. Божена Ясан) 1926 г. р., с. Кирилловка, Краснодарский край. Соб. С. С. Скорвид, Д. К. Поляков. 2009 г.) [ФДЗ РГГУ].

На Праздник Божьего тела, т. е. в первый четверг после Святой Троицы,

существовал обычай по пути в костел кидать на дорогу цветы, а пол в самом костеле устилать чабрецом: «*I pomatuji, jak jsme... jak mě vedla na to... na Trojici anebo na Boží tělo maminka, a u nás bylo tolik kytek tady! A ty lilie, a tech růžíh tady bylo! I ždycky maminka nabrala růží i li<di> dycky šli i házeli růžičky po cestě, na Trojicu anebo na Boží tělo. A já jsem dycky ty kytky sbírala... <...> i jak zvon byl, jak zvonili dycky — to si pamatuji, a to mě bylo pět let, a potom jak už zavřeli kostel, potom už jsme nechodili už tam*». (И помню, как мы... как меня вела на это... на Троицу или на Божье тело мама, а у нас было столько цветов здесь! И эти лилии, а роз сколько тут было! И всегда мама набирала розы и лю<ди> всегда шли и бросали розочки по дороге, на Троицу или на Божье тело. А я всегда эти цветы подбирала... <...> и как звон был, как звонили всё время — это помню, и это мне было пять лет, а потом как уже закрыли костел, потом уже мы не ходили уже туда) (зап. от Марии Владимировны Сисель (урожд. Чехова, из д. Борисовка) 1925 г. р., с. Кирилловка, Краснодарский край. Соб. Д. К. Поляков, О. А. Окунева, О. В. Попова, М. В. Лунёва. 2010 г. [ФДЗ РГГУ]).

Такова общая картина календарной обрядности потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе².

Однако в наши дни традиционные обычаи чешской общины Северного Кавказа существуют не только в рассказах старожилов. Их возрождает культурно-просветительский клуб «Матержидоушка» (*Mateřidouška*), который с 2006 г. действует в с. Кирилловка. Название клуба в переводе на русский язык означает одновременно «чабрец» — значимое растение в чешской культуре³ — и «душа матери». Целью клуба является «проведение мероприятий, помогающих объединить разные поколения чехов, пробудить у детей интерес к традициям и обычаям предков, а старшему

поколению предоставить возможность передать младшим свои знания и опыт» [Пукиш 2010, 190]. Первоосновой работы клуба является изучение чешского языка. Занятия как в детских, так и в разноразовных взрослых группах ведут приглашенные преподаватели из Чехии. В клубе также отмечаются традиционные чешские праздники, в том числе те, о которых шла речь выше. Дети готовят кнедлики и другие традиционные чешские блюда; на день св. Николая, Рождество и Богоявление участвуют в ряжении и колядовании, организуют разные мероприятия.

Первым таким мероприятием, проведенным клубом, было очищение родника в воскресенье 4 июня 2006 г., на Троицу. Как рассказывает председатель клуба И. В. Третьякова (Кабрда), «по старой, еще дохристианской традиции в этот день чистили родники. Вот и мы пошли в этот день в лес. Нас сопровождали старожилы Кирилловки пан Владислав Кабрда и пан Йозеф Виктор. Они помогли найти осыпавшийся родник с тем, чтобы его обустроить. Мы его углубили, расширили, вычистили и промыли, обложили камнями... <...> А на обратном пути нарвали чабреца, вспомнили легенду, и дети получили задание придумать эскиз эмблемы нашего клуба» [Пукиш 2010, 192].

Другие важные направления работы клуба — театр и фольклор. Начиная с 2006 г. любительская театральная труппа из детей и взрослых разыгрывает рождественские представления. Также при клубе действует фольклорный ансамбль «Китице», исполняющий старинные чешские песни, и детский ансамбль «Неделнячек».

Члены клуба с момента его основания кропотливо собирают народные чешские песни, множество которых еще помнят старожилы и которыми потом пополняется репертуар ансамбля «Китице». Также создан «Семейный альбом Кирилловки», куда помещаются старые фотографии из чешских семей этого села. Начат сбор антикварных предметов быта, сохранившихся в домах⁴.

² Некоторые ее элементы отражены также в работах [Кузнецов 1999], [Вольхина 1999], [Румянцева 1998].

³ Согласно старинной чешской балладе, обработанной поэтом Карелом Яромиром Эрбенем, в цветок чабреца превратилась душа умершей матери, чтобы утешить своих детей-сирот.

⁴ Подробнее о деятельности клуба «Матержидоушка» см. [Пукиш 2010, 188—194], а также сайт клуба www.materidouška.narod.ru.

Члены клуба стремятся не только сохранить традиции, но и передать их молодому поколению, а также привлечь внимание к своему сообществу. Фольклорный и театральный ансамбли представляют кирилловских чехов на различных мероприятиях, например, фестивалях национальных культур в Новороссийске. При поддержке Чешского культурного центра в Москве были созданы два документальных фильма об этих общинах, записан музыкальный диск, в настоящее время разрабатываются другие проекты [Пукиш 2010, 189]. В последнее время сообщество северокавказских чехов привлекает внимание не только лингвистов и этнографов, но и журналистов.

В 2011 г. на российском спутниковом канале МТРК «Мир» была показана передача «Чешская быль» из цикла «Дiasпоры» о чехах Северного Кавказа⁵. Примечательно, что и в этой телепередаче, и в исследовании В. С. Пукиша (который также принимал в ней участие), и в наших полевых записях повторяются зачастую одни и те же истории. Это может свидетельствовать о некоем сформировавшемся устойчивом корпусе сюжетов, создающих своего рода мифологию данного чешского сообщества, который можно считать если не одним из маркеров его идентичности, то, по крайней мере, способом саморепрезентации. Этот корпус образуют:

1) истории из частной жизни и воспоминания информантов. К местным жителям неоднократно обращались с просьбой рассказать об их нелегкой жизни, истории переселения их предков в эти места — и всякий раз они акцентируют внимание на одних и тех же деталях, которые считают особенно значимыми для себя и которые хотят донести до слушателя;

2) рассказы о традиционных праздниках и обычаях. Эта группа рассказов принадлежит уже не «частному», а «общему» знанию, но, как говорилось выше, воспоминания старожил о праздниках часто не перекликаются между собой, а скорее дополняют друг друга, так как разным информантам запомнились разные подробности;

3) рассказы о событиях и местах, значимых для данного сообщества и ставших достоянием его коллективной памяти. В эту группу попадают разного рода сюжеты: это могут быть исторические факты, приобретшие особую значимость для местных жителей, либо факты, переосмысленные и ставшие легендами. Эта группа наиболее интересна, и именно такие рассказы повторяются с наибольшей частотой. Приведем несколько примеров.

Многие рассказы связаны с историей кирилловского костела. Костел является средоточием как обрядовой, так и повседневной жизни обитателей села. В Кирилловке костел построили в начале XX в.; в 1937 г. он был закрыт и превращен сначала в амбар, а потом в клуб. Во время войны немцы восстановили его и ходили туда молиться. В послевоенные годы он также служил клубом, а ныне в его здании находится сельский дом культуры.

Рассказывают, что, когда в Кирилловке закрыли костел и превратили его в клуб, в первый устроенный там вечер никто не решался выйти танцевать. Наконец каменотес Йозеф Шимберский отважился пригласить на танец Божену Крагулец. За это его в грозу убило молнией, а у его партнерши убило молнией корову. Перед нами — весьма распространенный сюжет о наказании за разорение/разрушение храмов.

Сохранилось и такое предание: после войны с костела решили сбросить крест. Потом его долго прятали на чердаке своего дома семья кузнеца Длоутого, который этот крест некогда изготовил. Рассказывают, что однажды дом загорелся, но огонь дошел только до креста и погас. Так крест остановил огонь и спас хозяев. Уже в наше время крест отнесли на кирилловское кладбище, где он стоял как памятник возле могил, пока не пропал. До сих пор на кладбище хранится малый крест с костела.

А вот сюжет другого типа, представляющий собой не легенду, а воспоминание о прошлом: еще во времена строительства кирилловского костела мессы проводились под огромным дубом, на котором висел колокол. По колоколу местные жители также сверяли время.

⁵ Доступна в Интернете: <http://www.mir24.tv/programms/13243/episode/4533550>.

А до 1930-х гг. в костеле после мессы устраивались соревнования духовых оркестров, которые были в каждом чешском селе в округе. Дуб сохранился до сих пор и напоминает старожилам о тех временах.

В телепередаче «Чешская быль» все эти сюжеты следуют один за другим. Ее герои Ирина Третьякова и Владимир Ружечко — активисты клуба «Матержидоушка» — рассказывают их спонтанно, нарративы выстраиваются в единую цепочку ассоциаций. У зрителя при этом создается впечатление, что для кирилловских чехов все эти события значимы, о них помнят и делаются ими.

Владимир Ружечко также обратил внимание журналистов на почитаемое чехами «святое место Божизек», находящееся в горах неподалеку от Кирилловки. Там, по его словам, обитают души умерших чехов, и даже при пасмурной погоде над этим местом высится столп света. Температура в этом месте всегда выше на несколько градусов. Здесь возвышается могучий дуб, из одного корня которого растут восемь стволов. По мнению Ружечко, это место обладает особой энергетикой. О Божизеке Ружечко рассказывал и нам в ходе экспедиции 2010 г., уверяя, что именно там обитали первые чешские поселенцы. Там они выкапывали землянки и пасли скот. После установления советской власти чехов вынудили выйти из леса к побережью, «где их было бы проще контролировать». Акцент на том, что «чехи держались от-

дельно от власти», прослеживается и в телепередаче.

Часто рассказывают и об обряде «повторного погребения»: говоря о захоронениях, информанты подчеркивают, что у чехов раньше были особые могилы: умерших членов своей семьи они хоронили в одной могиле. Когда туда опускали новый гроб, вынимали кости погребенного ранее, перемывали их, складывали в новую наволочку и клали сверху на гроб.

Единожды нам встретилась народная этимология названия села Кирилловка: *«tydletý vesnice hdyž se vobrazovaly, tak tady jako Kirilovka, jako že tady žil Kiril, a tam byl Mefoděj — Mefodějka*. (Эти деревни когда образовались, так вот тут Кирилловка, потому что тут жил Кирилл, а там был Мефодий — так Мефодиевка)» (Зап. от Евгении Тимофеевны Ружечко (урожд. Божена Ясан) 1926 г. р., с. Кирилловка, Краснодарский край. Соб. С. С. Скорвид, Д. К. Поляков. 2009 г.) [ФДЗ РГГУ]. В действительности Кирилловка и Мефодиевка были основаны 3 мая 1869 г. в преддверии дня памяти свв. Кирилла и Мефодия (по православному календарю), в честь которых эти села и получили свои названия.

Кроме легенд, главной до сих пор активно бытующей формой фольклора можно назвать, пожалуй, только песни. Многие из них записаны у информантов в тетрадах кириллицей. Вот образец одной из таких записей (справа та же песня в чешской графике и русский перевод автора статьи):

По демлейнем наде млейнем	Pode mlejнем, наде mlejнем	Под мельницей, над мельницей
Гусы се пасов	Husy se pasou.	Гуси пасутся.
Вем пепичку вем флентичку	Vem, Pepíčku, vem flintičku,	Возьми, Пепик, возьми топор,
Заби некеров.	Zabij nekerou.	Убей одного.
Я ты гусы не забию	Já ty husy nezabiju,	Я этих гусей не убью,
и я добрже знам	Já je dobře znám.	Я их хорошо знаю.
То сов гусы панимамы	To jsou husy panímámy,	Это гуси хозяйки,
Кам я ходивам ⁶ .	Kam já chodívám.	Где я бываю.

⁶ Песня из тетради Ружены Васильевны Гайдамака (урожд. Пфлегер, 1927 г. р.) из Кирилловки. В записи встречается неправильное разделение на слова, отражаются диалектные особенности чешской речи, дифтонг *ou* передается в виде *ov* (*po demlejnem* — *podemlejnem*, чеш. лит. *pod mlýnem* «под мельницей», *некеров* — *nekerou*, чеш. лит. *některou*).

Песня *Kirilská návěs* («Кирилловская площадь»), которую исполняла Эмилия (Милослава) Ивановна Краль (урожд. Мареш, 1928—2012) из Кирилловки, — широко распространенная в Чехии песня, в которой может фигурировать любой город/деревня (в нужном месте просто подставляется соответствующий топоним и его дериваты):

Ta Kirilská návěs pěkná, zelená,
po ní se prochází holka má milá.

Prochází, prochází, procházet se bude,
dokud se ta návěs zelenat bude.

Až budou v Kirilce zvonit kleání,
přijď ty se, můj milej, pomodlit za mě.

Jednou otčenáš, podruhé zdrávas,
však ty to, můj milej, snadno vykonáš.

Já jsem to, můj milej, všechno slyšela,
jak se tvá matička s tebou vadila.

S tebou vadila a mě hanila,
že nejsem bohatá jako je jiná.

Já nejsem bohatá, já nejsem chudá,
já nejsem žádnýmu trojníček dlužná.

Jen můmu milýmu štipíček kmínu (?) —
to já mu voplatím, až se s ním sejdu.

Jen můmu milýmu jednu hubičku —
to já mu voplatím třebaš pozejtřku⁷.

Кирилловская площадь красивая,
зеленая,
По ней гуляет девушка моя милая.

Гуляет, гуляет, и будет гулять,
Пока эта площадь будет зеленеть.

Когда будут в Кирилловке звонить
на молитву,
Приди ты, мой милый, помолиться
за меня.

Сначала «Отче наш», потом «Радуйся,
Мария»,
Ты это, мой милый, легко сделаешь.

Я, мой милый, всё слышала,
Как твоя матушка с тобой ссорилась.

С тобой ссорилась, а меня ругала,
Что не так я богата, как иная.

Я не богата, я не бедна,
Я никому и гроша не должна.

Только моему милому шепотку
тмина (?) —
Это я ему заплачу, когда с ним встречусь.

Только моему милому один поцелуй —
Это я ему заплачу хоть послезавтра.

Кроме лирических песен, существуют свадебные «попевки» (величальные песни молодым)⁸:

Kerá holka bledá, ta se vdávat nemá,
kerá jako růže, ta se vdávat může, z ní je
hezka žena.

Na štěstí na zdraví panu ženichu, ten
dostal nevěstu jako řeřichu.

Jako řeřichu, jako kvítečko, což se mu
usmívá na ni srděčko.

Na štěstí na zdraví panně nevěstě, ta
dostala muže, von stojí dvě stě.

Von stojí dvě stě, von stojí za víc, vona
nám ho nedá ani za tisíc.

Которая девушка бледна, та не должна
идти замуж,

Которая как роза, та может идти за-
муж, из нее будет хорошая жена.

Счастья, здоровья жениху — у него не-
веста как настурция.

Как настурция, как цветочек, которо-
му улыбается его сердечко.

Счастья, здоровья невесте, у нее муж,
который стоит двести.

Он стоит двести, он стоит и больше,
она нам его не отдаст и за тысячу.

Также очень распространены ко-
лядки⁹:

Рождественская колядка:

Štěstí, zdraví, pokoj svatý vinšujeme vám,
napřed panu hospodáři, těm vašim dítkám.
Zdaleka se k vám ženeme,

⁸ Записаны в исполнении Эмилии Краль и Елизаветы Халупы. Расшифровка записей И. В. Третьяковой и Б. Грунтовой.

⁹ Записаны от Анастасии Сланец из Анапы. Запись и расшифровка В. С. Пукиша. Песни представляют собой варианты хорошо известных в Чехии и Моравии колядок, но порой со своеобразными поворотами сюжета, мотивами и местными языковыми особенностями.

jistou novinu neseme,
to vám povídám.

Narodilo se děťátko v městě Betlémě,
a to leží, ubožátko, na kousku seně.
Jozef s Marií ho hlídají,
s děťátkem se obírají,
spí dítě malé.

Je chaloupka velmi špatná, celá ztrhaná,
vítr fouká skrz jesličky na Krista Pána.
Hospodáři, dej dukátek,
ať nám to spraví truhlářek —
na, dítě malé...

Счастья, здоровья, мира святого
желаем вам,
Прежде всего хозяину, вашим детям.
Издаleка мы к вам бежим,
Новость несем,
Говорю вам.

Родилось дитя в городе Вифлееме,
И лежит, бедняжка, на клочке сена.
Иосиф и Мария его стерегут,
Младенцем занимаются,
Спит дитя малое.

Хижина очень плохая, вся худая,
Ветер дует сквозь ясли на Господа
Христа.

Хозяин, дай дукат,
Пусть плотник поправит —
На, дитя малое...

Колядка, исполнявшаяся перед Пасхой (в Смертное воскресенье)¹⁰:

Smrt plave po vodě, nové líto k nám jede,
na červený vejce, na žlutý mazanec.
Jakej je to mazanec bez koření, bez vajec?
Panímámo krásná, dejte lžičku másla,
bude-li to maloučko, přidejte nám

vajíčko,
na to mísu mouky, napečeme vdolky,
pozveme taky vaše pacholky.
Svatej Petr jede k nám, k nám, k nám,
po věnečku veze nám, nám, nám,
a ty, svatá Markýto, dej nám pozor na žito,
na pšeničku, na zelí, ať nás Pán Bůh
podělí!

Fiala, růže, vykvěť nemůže,
až ji Pán Bůh pomůže na tej svatej hoře.
Votoč se, míšku, dej nám po penízku.
Votoč se, koši, dej nám po hroši...

Смерть плывет по воде, новая зелень¹¹
к нам едет,

На красные яйца, на желтые куличи.
Какой это кулич без приправ, без
яиц?

Матушка прекрасная, дайте ложечку
масла,

Если этого будет мало, добавьте яичко,
Да миску муки, напечем пышки,
Позовем и ваших ребят.

Святой Петр едет к нам, к нам, к нам,
По веночку везет нам, нам, нам,
А ты, святая Маргарита, береги нашу
рожь,

Пшеницу, капусту, пусть нас Господь
Бог одарит!

Фиалка, роза не зацветет, пока ей Гос-
подь Бог не поможет на святой горе.

Повернись, мешок, дай нам по монетке,
Повернись, корзина, дай нам по грошу....

Итак, как изменилась традиционная культура северокавказских чехов со времени переселения до современности? Если раньше хранителями традиций были люди старшего поколения и сами эти традиции распространялись только внутри сообщества, то в наши дни ситуация иная. Теперь уже их дети, представители среднего поколения, владеют корпусом коллективных легенд, часть из которых выбирают для репрезентации своего сообщества вовне. Именно они организуют мероприятия, направленные на популяризацию чешской культуры, активно вовлекают в культурную жизнь сообщества молодежь. Они общаются с журналистами и передают им легенды сообщества уже с некоторой долей собственной интерпретации.

Что же касается обрядов, то и они постепенно эволюционировали. На начальном этапе заселения Северного Кавказа чехами их обрядность, скорее всего, бытовала довольно активно. Можно предположить, что это был способ самоидентификации в иной национальной и культурной среде. Некоторые обычаи среди северокавказских чехов сохранялись дольше, чем на их исторической родине (например, обычай «молотьбы петуха»). Однако с течением времени эти обычаи взаимодействовали с местными традициями.

¹⁰ Аудиозапись доступна на сайте <http://www.pametnaroda.cz/witness/clip/id/972/clip/2612>.

¹¹ *nové líto* — фольклорное наименование зеленой ветки или деревца — антипода выносимой из села смерти.

Контакты с южнорусским населением вызвали изменение названий некоторых праздников и даты их празднования. Например, под названием *Trojice* у северокавказских чехов подразумевается не Троица, а День Сошествия Св. Духа (в Чехии известный как *Letnice* или *Svatodušní svátky*). Он, согласно римско-католическому календарю, отмечается в воскресенье на 50-й день после Пасхи, тогда как праздник Св. Троицы (в Чехии *Trojice*) — только в следующее воскресенье. Однако поскольку у православных оба эти праздника в народном сознании слились в один, так как празднуются друг за другом, северокавказские чехи тоже перестали их различать.

Также в настоящее время чехи, как и окружающее восточнославянское население, поминают умерших во второй вторник после Пасхи (на Радоницу), а не 1 или 2 ноября, в День Всех Святых, как это принято на их исторической родине.

Пасху, которую северокавказские чехи называют по-южнорусски *Паска* (а не по-чешски *Velikonocce*), они также празднуют вместе с православными, поскольку Пасха — в отличие, например, от Рождества — не имеет фиксированной даты.

Закрывание костела в 1937 г. стало рубежом, после которого в селе Кирилловка началось угасание чешских обычаев. В послевоенное время обрядовая жизнь в Кирилловке практически не поддерживалась.

Можно заключить, что развитие традиционной культуры северокавказских чехов во многом типично для любой диаспоры: на первое время коллективные знания словно «консервируются» в иной среде, потом постепенно (или под действием какого-либо фактора) угасают, приспосабливаются к местным традициям; а потом начинают возрождаться благодаря деятельности активистов среднего поколения. Подобные процессы наблюдаются и у потомков чешских переселенцев, проживающих в трех селах Калачинского района Омской области, в которых сотрудники кафедры славистики и центральноевропейских исследований РГГУ также побывали в экспедиции в 2012 г.

Литература

Вольхина 1999 — Вольхина Ю. С. Чехи Кубани: традиционная культура и ее современное состояние // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Краснодар, 1999. С. 21—22.

Колесов 1999 — Колесов В. Некоторые дискуссионные вопросы истории чехов Кубани // Тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф. А. Щербины. Краснодар, 1999. С. 124—126.

Кузнецов 1999 — Кузнецов И. Чехи Кавказа // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 1999. С. 116—122.

Окунева 2011 — Окунева О. А. Календарная обрядность северокавказских чехов (по материалам экспедиции в с. Кирилловку под Новороссийском) // Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. Вып. 6. М., 2011. С. 81—86.

Пукиш 2010 — Пукиш В. С. Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868—2010. Ростов-на Дону, 2010.

Румянцева 1998 — Румянцева Г. В. Календарные ряжения чехов села Варваровка (по материалам ФЭЭ-97) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. Белореченск, 1998. С. 53.

Скорвид, Третьякова 2009 — Скорвид С. С., Третьякова И. В. «Тут жил Кирилл, а там — Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 38. М., 2009. С. 40—54.

Сокращения

ФДЗ РГГУ — Фонотека диалектных записей кафедры славистики и центрально-европейских исследований Российского государственного гуманитарного университета.

Summary. The subject of the article is North Caucasian Czechs' traditional culture, the cause and manner of its certain elements' evolution. The author presents some data about the language situation among the descendants of the 19th century's Czech immigrants in the North Caucasus, their folklore and rites, collective legends. Special attention is paid to the activities of a local cultural club and its role in maintaining ethno-linguistic identity of the Czech diaspora.

Key words: Czech, North Kaukase, folklore, rites.